

Заброшенная церковь на задах средней школы Хунъюань пустовала уже не одно десятилетие. Старожилы поговаривали, что когда-то там было очень красиво: стены украшали позолоченные образа и кресты, а под самым куполом красовалась искусная роспись.

В то хаотичное десятилетие здесь случился пожар, и с тех пор сюда никто не заглядывал. В детстве Дин Юйцин ходил вместе с Чжоу Хуэй на черный рынок продавать тканевые купоны и однажды увидел, как там торгуют подсвечником из чистого серебра. Чжоу Хуэй тогда лишь тяжело вздохнула, сказав, что эта вещь когда-то принадлежала здешней церкви.

Минули годы. Обветшалое здание почти целиком заросло диким виноградом — где-то сухим и мертвым, а где-то еще цепляющимся за жизнь сочными зелеными листьями. Наверху сияла пустотой колокольня; бронзовый колокол, о котором ходили легенды, давно бесследно исчез.

Ребята, озираясь по сторонам, набрались храбрости и толкнули тяжелую скрипучую дверь, но в ответ на них посыпались лишь тучи вековой пыли да охапки сухих листьев.

Вдруг в густой траве что-то блеснуло. Юйцин подбежал ближе и выковырял из земли осколок толстого цветного стекла. Ополоснув его в ближайшей луже, он поднял находку к небу, разглядывая сквозь кружево древесной листвы. На солнце стеклышко сияло чище и ярче, чем его любимые стеклянные шарики.

Жуньшэн пнул росший под ногами сорняк и поморщился:

— Опять всякую гадость с земли подбираешь. Грязища же.

— Отмоешь — и не грязно вовсе. Посмотри, как красиво!

— Подумаешь, обычное оконное стекло, — буркнул Жуньшэн. — Вон его там сколько уцелело.

Юйцин поднял голову. Действительно, неподалеку виднелось несколько уцелевших рам, заполненных точно такими же витражными стеклами.

И все же этот крохотный осколок казался ему особенным. Наклонившись, Юйцин принялся усердно стачивать острые края о подвернувшийся голыш. Он твердо решил забрать находку домой и спрятать в свою шкатулку с сокровищами.

Жуньшэн отошел в сторону. Спустя минуту раздался оглушительный звон бьющегося стекла. Кто-то яростно закричал:

— Эрмяо, твою мать! Ты что творишь?! Чуть голову мне не проломил!

Юйцин вскинул голову. В красивом витражном окне, которое только что было целым, теперь

зияла огромная черная дыра, а земля внизу оказалась усыпана сверкающими осколками.

— Зачем ты окно разбил?! — испуганно выдохнул он.

Жунышэн присел на корточки и брезгливо, двумя пальцами, стал перебирать осколки:

— Тебе же нужно было стекло?

— Так на земле и так полно валялось! — расстроился Юйцин. — Зачем портить чужое?!

Лицо Жунышэна мгновенно потемнело.

— Не хочешь — не бери, — процедил он, с отвращением разглядывая испачканные кончики пальцев. — Только руки из-за тебя изгваздал.

Юйцин понимал, что спорить с ним бесполезно. Он надулся и замолчал. Глядя на уродливый темный провал в старинном окне, он почувствовал, как к горлу подкатывает глухая обида.

— Эй! Нашел! Скорей сюда! — донесся издалека зычный крик Эрпана.

Орава мальчишек тут же с гиканьем бросилась на зов. Жунышэн вытер ладони о кору ближайшего дерева и, высоко подняв голову, прошествовал мимо Юйцина, даже не удостоив его взглядом.

«Сам же виноват, а ведет себя так, будто ему все кругом должны», — подумал Юйцин. Он сунул заветный осколок в карман брюк и нехотя поплелся следом.

Как выяснилось, в байках Маганьэра правдой было лишь самое начало — на крутом склоне у боковой стены церкви действительно зияла глубокая пещера. Что же касается сундуков с сокровищами и серебряных долларов Юань Шикая, то их фантазер, должно быть, почерпнул из приключенческих книжек, которых начитался до одурения.

Ржавая железная решетка на входе оказалась приоткрыта. Внутри было просторно и темно. Ребята шли довольно долго, но, кроме холодных кирпичных стен по обеим сторонам, ничего интересного не обнаружили. Чем дальше они продвигались, тем слабее становился дневной свет. Вскоре воцарился полный мрак, из которого доносился лишь жутковатый свист ветра. На полпути у большинства искателей приключений сдали нервы, и они повернули назад.

В итоге у самого черного провала остались лишь четверо: Эрпан, Маганьэр, Доудоу и Эрмяо.

Маганьэр из упрямства наотрез отказывался сдаваться; Эрпаном двигало ненасытное

любопытство; Доудоу просто не мог бросить друзей; так что Эрмяо пришлось нехотя достать из кармана зажигалку, чтобы хоть как-то разогнать темноту.

Они шли медленно, подсвечивая себе под ноги блеклым огоньком. Но странное дело: постепенно мрак начал рассеиваться сам собой, уступая место слабому, едва различимому свечению. На очередном повороте Маганьэр резко замер и прижал палец к губам:

— Тсс... Слышите?

Мальчишки затаили дыхание и прислушались. Из глубины коридора доносились чьи-то приглушенные голоса, перемежающиеся странным металлическим лязгом.

—... Сколько за эту партию дадут? — раздался в темноте чей-то молодой, но смутно знакомый голос.

— Вот столько...

Эрпан округлил глаза от удивления:

— Постойте, это же вроде...

Вдруг впереди раздался отчетливый сухой щелчок, и кто-то настороженно крикнул:

— Кто там?! А ну покажись!

Жуньшэн мертвой хваткой вцепился в руку Юйцина:

— Бежим!

Сзади послышался топот нагоняющих шагов. Обезумев от страха, мальчишки рванулись назад. Хватая друг друга за шиворот и за рукава, они мчались во весь опор следом за Эрмяо. Время от времени их спины выхватывали мечущиеся лучи карманных фонарей.

Они вылетели из пещеры, вихрем пронеслись по тропинке и остановились только у раскидистой акации возле школьных ворот. Эрпан со стоном повалился прямо на землю:

— Всё... больше... не могу... ноги не держат...

Все тяжело, со свистом дышали. Маганьэр, утирая градом катящийся со лба пот, испуганно пробормотал:

— Мамочки... Там что, бандиты настоящие прячутся?

— Какие еще бандиты! — прохрипел Эрпан, хватаясь за бок. — Ты... ты голос не узнал? Это же Сияньэр был!

— Да ладно? А чего мы тогда так припустили?..

Жуньшэн выпрямился и смерил Маганьэра ледяным взглядом:

— Идиоты.

Маганьэр, у которого с Эрмяо давно были натянутые отношения, насупился и заговорил важным тоном, подражая своему отцу-кадровику:

— Эрмяо, вот вечно ты так. Нельзя разве по-человечески объяснить? Своими оскорблениями ты только подрываешь дух нашего коллектива, понял?

Жуньшэн презрительно фыркнул и, вопреки обыкновению, заговорил неторопливо и вкрадчиво:

— А уши тебе на что даны? Не слышал разве?

— Да что слышал-то?

— Звук передергиваемого затвора.

Маганьэр попытался воскресить в памяти те секунды. Его лицо мгновенно побледнело, но признать поражение не позволяла гордость:

— Да ну, бред... Почудилось тебе. Темно же было, ничего мы не видели.

Эрпан заметно задрожал и испуганно прошептал:

— Слушайте, а ведь в квартале болтали, что Сияньэр со своей бандой теперь под началом Гэ Сы ходят.

Гэ Сы был широко известным в округе Прядильной фабрики авторитетом. Под его крылом работали два подпольных видеосалона и танцпол. Чего только о нем не рассказывали на улицах — одна история была краше и страшнее другой. Дети, то и дело подслушивавшие взрослые разговоры, невольно трепетали при одном упоминании этого имени.

Мальчишки испуганно переглянулись, и над ними повисла тяжелая тишина. Лишь Жуньшэн стоял в стороне с отсутствующим видом, погруженный в какие-то свои думы.

Неудачный поход за сокровищами поумерил пыл юных исследователей. На следующий день Эрпана родители увезли в деревню к родственникам, а Маганьэра пристроили на дополнительные занятия. У каменного стола во дворе теперь собирались только двое — Юйцин и Жуньшэн.

Домашние задания они щелкали как орешки, после чего Жуньшэн частенько уводил Юйцина в Авиационный городок. Это место считалось режимным: у ворот круглые сутки дежурили часовые, и посторонним вход туда был заказан. Однако Жуньшэн проходил через КПП как к себе домой — солдаты его никогда не задерживали.

С местными ребятами Жуньшэн общего языка не находил — во всяком случае, они и близко не были ему так дороги, как Юйцин. Зато со взрослыми он ладил прекрасно. Точнее сказать, почти все здешние офицеры и рабочие знали его в лицо. Они окликали его «внуком старика Сюя» или ласково звали Шэнцзы.

Особенно часто Жуньшэн навещал одного седовласого старика по фамилии Чжао. Колоритный дедушка Чжао, могучий и величавый, напоминал сошедшего с новогодней лубочной картины богатыря Гуань Юя. Иногда он показывал Жуньшэну приемы ушу, устраивал с ним спарринги и время от времени с грустной улыбкой ронял: «Эх, помню, твой дед в твои годы...»

Но фраза эта неизменно обрывалась тяжелым вздохом.

Юйцин, хвостиком ходивший за другом, тоже мотал на ус нехитрую науку. Дедушка Чжао хвалил его за сметливость, но под конец разговора опять мрачнел. Он подолгу смотрел на Жуньшэна тоскливым взглядом и едва заметно качал головой.

Насколько хорош был Жуньшэн в драке, Юйцин судить не берелся. Он лишь видел, как тот тренируется с внуком дедушки Чжао, Дунмином, и держится с ним на равных. Впрочем, брат Дунмин был намного старше их обоих и возился с ними скорее из снисхождения, дурачась, как с малышкой. Серьезным боем это назвать было трудно.

Но дедушка Чжао не всегда оставался в городе. Когда грянула изнуряющая летняя жара, он уехал поправлять здоровье в санаторий. Без него Жуньшэн перестал заглядывать в Авиационный городок, приходя туда только на обед к родителям.

На улице припекало немилосердно. Каменная столешница во дворе раскалялась так, что к ней невозможно было прикоснуться. Тогда Жуньшэн вполне буднично предложил Юйцину перебраться к нему. В его квартире стояла неслыханная по тем временам роскошь — кондиционер, спасавший от любого зноя.

Вообще-то Юйцин ненавидел сидеть в четырех стенах, но в те дни по району прокатилась волна

жестоких уличных нападений. В двух случаях пострадали сверстники мальчиков. Перепуганные мать и бабушка настрого запретили Юйцину соваться на улицу. Узнав, что он проводит время у Жуньшэна, они вздохнули с облегчением.

Родителей Жуньшэна никогда не было дома. Изредка в квартире появлялась пожилая домработница, чтобы прибрать комнаты и смахнуть пыль.

В остальное время огромная квартира принадлежала только им двоим. Жуньшэн часами разучивал гаммы на пианино, а устав от музыки, прибежал к Юйцину мериться силами. Сначала они пытались чинно отрабатывать приемы ушу, но быстро скатывались к веселому баловству. В ход шли самые нелепые «секретные приемы» вроде «Черного тигра, вырывающего сердце» или «Обезьяны, ворующей персики». Все это неизменно заканчивалось тем, что они, сцепившись в живой клубок, с хохотом катались по пушистому ковру, собирая на себя всю пыль.

Стоило включить кондиционер, как у Юйцина начинала раскалываться голова. Жуньшэн хоть и ворчал для вида, но послушно щелкал выключателем. Изрядно навозившись, разгоряченные и взмыленные мальчишки забирались на широкий подоконник ловить редкие дуновения ветра. Но даже с улицы тянуло лишь вязким, душным маревом, от которого клонило в сон. Юйцин почесал щеку и тихо спросил:

— Я там арбуз принес. Будешь?

— Не хочу, — отозвался Жуньшэн, придвигаясь к нему вплотную.

Юйцин кожей почувствовал жар его тела и капельки пота на плечах. Он попытался отодвинуться:

— Ну и жарища. Не липни.

— Сам же просил выключить кондиционер, — недовольно буркнул Жуньшэн.

Юйцин промолчал. Прижавшись друг к другу плечами, они устроились на подоконнике и сонно уставились во двор, разморенные полуденным зноем.

Солнце стояло в зените, превращая двор в раскаленную жаровню. Из-за удушающего зноя на улице не было ни души. Даже птицы смолкли, прячась в густой тени деревьев.

Глаза Юйцина слипались, он уже готов был провалиться в глубокий сон.

И вдруг тишину сонного двора разорвал истошный, полный ужаса крик. Юйцин распахнул глаза. Внизу, посреди двора, стояла мать Эрпана. Она горько рыдала и что было сил колотила кулаками в соседскую дверь.

<http://bllate.org/book/19415/1951326>